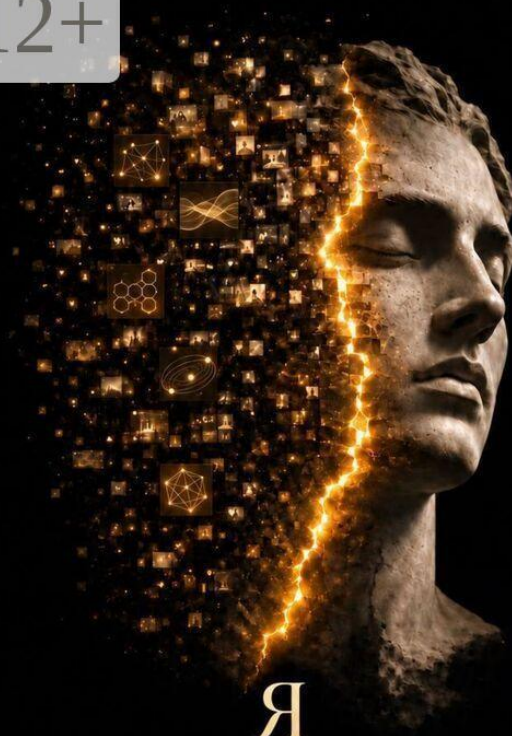
12+



Я БЕССМЕРТЕН?!

ФИЛОСОФСКИЙ МОНОЛОГ

АЛЕКСАНДР КАЛУГИН

Александр Калугин
Я — бессмертен?!

https://litres.ru/74928657
ISBN 9785007172592

Аннотация

Что, если смерть — лишь иллюзия нашего сознания? Опираясь на гипотезу квантового бессмертия, автор исследует границы жизни, смерти и человеческого восприятия. Философский монолог, который заставляет усомниться в привычной реальности и задаться главным вопросом: возможно ли, что каждый из нас бессмертен?

Содержание

АЛЕКСАНДР КАЛУГИН 5
Философский монолог 6
СОДЕРЖАНИЕ 7
Заключение. Не исчезнуть 8
Почему я заговорил о бессмертии 9
Жизнь как функция 15
Чужой маршрут 21
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Я — бессмертен?!

Александр Калугин

© Александр Калугин, 2026

ISBN 978-5-0071-7259-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

АЛЕКСАНДР КАЛУГИН
Я БЕССМЕРТЕН?!

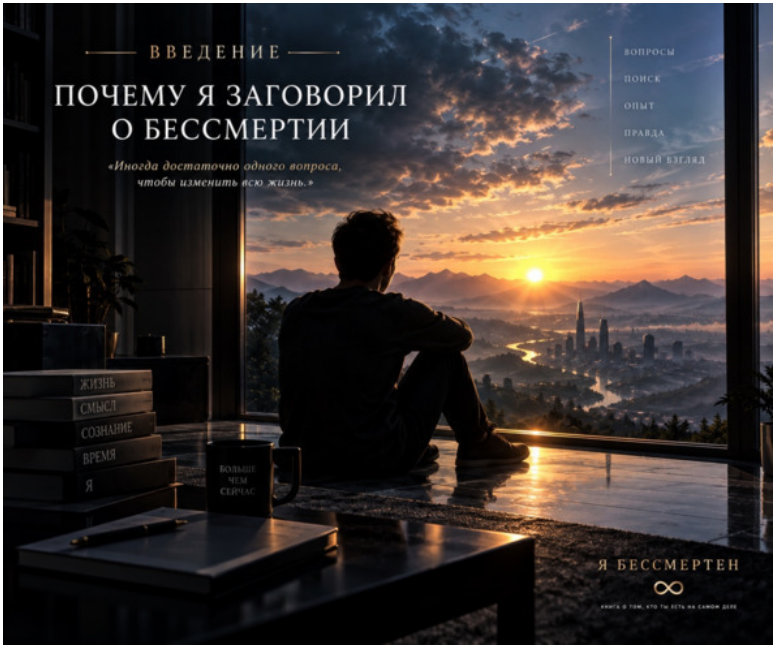
Философский монолог
2026

Александр Калугин
Я бессмертен?!
Философский монолог
© Александр Калугин, 2026
Иллюстрированное издание
Авторский текст и размышления. Исследования и источники приведены в дополнении к эпилогу.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение. Почему я заговорил о бессмертии
Глава 1. Жизнь как функция
Глава 2. Чужой маршрут
Глава 3. Перенастройка

Заключение. Не исчезнуть
Эпилог. Вопрос остаётся
Дополнение к эпилогу



ВВЕДЕНИЕ

Почему я заговорил о бессмертии

Я не знаю, бессмертен ли человек. Это самый честный ответ, с которого я могу начать эту книгу.

Я не знаю, существует ли жизнь после смерти. Не знаю, сохраняется ли человеческое сознание, когда останавливается сердце. Не знаю, остаётся ли от нас что-нибудь, кроме воспоминаний, поступков и нескольких слов, которые однажды вспомнят другие люди.

У меня нет доказательств. Нет великого открытия. Нет права объявлять свою версию истиной.

Я не психолог, не философ и не духовный наставник. Я обычный человек, который в какой-то момент посмотрел на собственную жизнь и задал себе неприятный вопрос:

если я однажды умру, успею ли я до этого по-настоящему пожить?

Мне тридцать пять лет.

Большую часть недели я работаю по двенадцать, иногда по тринадцать часов в сутки. У меня один выходной, но даже он не всегда становится отдыхом. Есть бытовые дела, нерешённые вопросы, собственные проекты и мысли о том, что завтра всё начнётся сначала.

Я работаю с людьми. Это требует внимания, терпения и внутренней выдержки. Чужие слова, ожидания, просьбы, недовольство — всё это проходит через тебя и понемногу

остаётся внутри. Вечером ты возвращаешься уставшим, но не всегда можешь уснуть. Тело просит отдыха, а сознание продолжает проживать завершившийся день.

Со временем появляются проблемы со сном, здоровьем и нервами. Ты понимаешь, что нужно остановиться, но не можешь. Чтобы жить, необходимо работать. Чтобы изменить жизнь, нужны деньги. Чтобы заработать деньги, приходится отдавать работе силы и время — те самые силы и время, которые были нужны для перемен.

Получается замкнутый круг.

Я разведён. Живу с родителями в небольшой однокомнатной квартире. Это не трагедия и не самая тяжёлая судьба на земле. Я знаю, что множество людей сталкиваются с обстоятельствами намного сложнее. Но знание о чужих трудностях не отменяет собственных переживаний.

Иногда человеку не требуется большая катастрофа, чтобы почувствовать себя запертым. Достаточно множества небольших ограничений, которые год за годом складываются вокруг него. Работа. Деньги. Здоровье. Жильё. Обязанности. Ошибки прошлого. Страх будущего. Каждое ограничение само по себе кажется преодолимым. Но вместе они образуют пространство, внутри которого становится трудно представить другую жизнь.

В какой-то момент я начал чувствовать себя человеком низкого ранга.

Никакого списка не существовало. Но достаточно было

открыть телефон, чтобы увидеть чужие достижения и почувствовать, будто мою жизнь уже оценили без меня.

Даже понимая, что экран показывает лишь часть чужой жизни, я принимал увиденное близко к сердцу.

И постепенно начинаешь верить, что опоздал. Что в тридцать пять лет уже должен был стать другим человеком. Зарабатывать больше. Жить отдельно. Иметь крепкую семью. Лучше выглядеть. Больше путешествовать. Уверенно отвечать на вопрос о будущем. Слово «должен» незаметно становится главным словом твоей жизни.

Но однажды я задумался: кто именно решил, каким мне следует быть?

Где заканчиваются мои желания и начинаются ожидания окружающих? Какие цели действительно принадлежат мне, а какие я выбрал только потому, что они считаются правильными? И если я всю жизнь иду по маршруту, проложенному другими, могу ли я назвать эту жизнь своей?

Тогда впервые возникла мысль о бессмертии. Сначала она показалась почти нелепой. Как человек, занятый работой, деньгами, здоровьем и бытовыми проблемами, вообще может рассуждать о вечности? Но постепенно я понял: эти вопросы связаны теснее, чем кажется.

Чаще всего мы представляем смерть как событие, которое произойдёт однажды в будущем. Сердце остановится, тело перестанет жить. Но существует и другая смерть — медленная и почти незаметная. Она начинается, когда человек

перестаёт слышать себя. Когда он говорит чужими словами, стремится к чужим целям и надевает маску, которую от него ожидают увидеть. Когда собственные желания кажутся ему неправильными, несерьёзными или недостойными. Когда вся жизнь откладывается до лучших времён.

До новой работы. До отдельной квартиры. До больших денег. До следующего года. До того момента, когда наконец появится возможность стать собой.

Но годы проходят, а разрешение так и не приходит. И тогда возникает вопрос: если человек физически жив, но почти не участвует в собственной жизни, можно ли считать его живым полностью?

Может быть, бессмертие начинается вовсе не после смерти. Может быть, оно начинается в тот момент, когда человек впервые просыпается внутри собственной жизни. Когда перестаёт считать себя только работником, должником, мужем, женой, сыном, родителем, победителем или неудачником. Когда спрашивает себя не о том, насколько он полезен внешнему миру, а о том, остаётся ли в этой пользе место для него самого.

Я не призываю отказываться от работы, обязанностей или ответственности перед близкими. Нельзя жить так, словно вокруг никого не существует. Свобода, построенная на разрушении чужих жизней, остаётся другой формой зависимости.

Речь не о том, чтобы заставить мир служить нам. Речь

о другом: человек не должен быть только безличным инструментом внешнего мира. Мы можем работать, зарабатывать, помогать людям и выполнять свои обязанности, не отдавая при этом окружающим право определять всю нашу личность. Мир может предоставлять нам опыт, знания, возможности и материал для развития. А мы можем оставаться собой, даже находясь внутри его правил.

Я ещё только учусь этому. Моя жизнь не изменилась за одну ночь. Я не проснулся другим человеком. Мои проблемы не исчезли от одной мысли. Озарение не оплачивает счета, не лечит бессонницу и не раздвигает стены квартиры. Но оно способно изменить точку, из которой человек смотрит на свою жизнь.

Раньше обстоятельства казались мне окончательным приговором. Теперь я постепенно учусь различать то, что со мной происходит, и того, кем я остаюсь. Между ними есть расстояние, которого прежде я не замечал.

Эта книга — не инструкция по поиску собственного пути. Здесь не будет нескольких универсальных шагов, после которых каждый обязательно станет счастливым. Я не знаю пути другого человека и не имею права выбирать его за него.

Я могу только рассказать о собственном движении: о жизни, в которой меня самого становилось всё меньше; о внешнем шуме, который заглушал внутренний голос; и о мысли, заставившей меня впервые остановиться.

Возможно, моя история ничего не изменит для читателя.

А возможно, в ней он узнает часть собственной жизни.

Не ответы — их у меня нет. Но, может быть, вопросы.

И прежде чем спрашивать, способен ли человек жить вечно, нам придётся ответить на более близкий и тяжёлый вопрос:

живём ли мы сейчас?

ГЛАВА 1

Жизнь как функция

У работы есть странное свойство: она умеет занимать не только часы, которые ей отданы.

Рабочий день заканчивается, но его напряжение продолжает жить в теле. Я уже не отвечаю на вопросы и не решаю чужие проблемы, однако внутри сохраняется готовность к следующему обращению. Сознание не сразу понимает, что можно перестать быть собранным.

Я работаю с людьми. Это означает, что почти весь день мне необходимо присутствовать не только физически. Нужно слушать, объяснять, убеждать, сохранять спокойствие, даже когда его не осталось. У каждого человека свой характер, настроение и причина считать собственный вопрос самым важным. И это нормально. Он приходит не для того, чтобы думать о моей усталости. Он приходит за ответом.

Поэтому в рабочее время я стараюсь быть тем, кто способен этот ответ дать.

Мне необходимо оставаться внимательным и вежливым. Ошибка может привести к конфликту, потере денег или доверия. Личные обстоятельства остаются за пределами разговора. Перед человеком должна находиться функция, которая работает исправно.

Постепенно к этой функции привыкаешь. Она становится удобной. Не обязательно для тебя — прежде всего для

окружающего мира. Пока ты работаешь, решаешь вопросы и выполняешь обязательства, система не спрашивает, счастлив ли ты. Ей достаточно, что ты продолжаешь действовать.

В этом нет злого умысла. У системы вообще нет единого лица. Она состоит из расписаний, счетов, договорённостей, потребностей других людей и решений, которые когда-то принимали мы сами. Нельзя показать на одного человека и сказать: вот тот, кто забрал мою жизнь.

Чаще всего её никто не забирает сразу. Мы отдаём её постепенно. Час за часом. День за днём. Не потому, что глупы или слабы, а потому, что пытаемся выжить, сохранить работу, выполнить обещания и не подвести близких.

Рабочее расписание оставляет мне часы до смены и после неё. Но арифметика жизни устроена сложнее арифметики часов.

Свободный час ещё не означает, что у меня остались силы им распорядиться. Иногда он целиком нужен телу для восстановления перед следующим днём. Отдых тоже принадлежит жизни, но в таком расписании мне трудно выбрать что-либо ещё. Нужно поесть, привести себя в порядок, ответить на сообщения, решить бытовые вопросы. Нужно попытаться уснуть, пока мысли продолжают возвращаться к тому, что произошло и что ещё предстоит сделать.

Сон становится не отдыхом, а ещё одной обязанностью. Ты знаешь, что должен спать, потому что утром понадобятся силы. И чем сильнее пытаешься уснуть, тем яснее ощу-

щаешь, что не способен приказать собственному сознанию остановиться.

Тело начинает говорить раньше, чем человек признаётся себе в усталости. Оно отвечает напряжением, бессонницей, раздражением и проблемами со здоровьем. Сначала эти сигналы кажутся временными. Потом становятся частью обычного состояния.

К необычному вообще можно привыкнуть, если оно длится достаточно долго. Можно привыкнуть просыпаться уставшим. Привыкнуть откладывать врачей. Привыкнуть к тому, что единственный выходной нужен не для жизни, а для восстановления способности снова работать. Привыкнуть говорить себе: ещё немного — и станет легче. Только это «немного» редко имеет точную дату окончания.

Деньги нужны для отдельного жилья, лечения, отдыха, образования и возможности заняться собственным делом. Даже право остановиться на некоторое время имеет цену. Именно поэтому я так долго принимал отсрочку собственной жизни за единственный разумный выход.

Иногда остаться на работе — ответственность, а отложить желание — единственный доступный выбор. За любым решением стоят счета, обязательства и близкие, которых нельзя подвести.

Но существует граница, после которой временная отсрочка становится образом жизни. Я не заметил точного дня, когда подошёл к этой границе. Не было события, которое раз-

делило бы мою жизнь на «до» и «после». Скорее, постепенно накопилось ощущение, что я присутствую везде, где нужен другим, и почти отсутствую там, где нужен самому себе.

Это ощущение трудно объяснить, потому что внешне человек может оставаться деятельным. Он работает, общается, строит планы и даже начинает новые проекты. Окружающие видят движение. Но внутри появляется подозрение, что движение ещё не означает направление. Можно очень быстро идти по дороге, которую не выбирал.

Я продолжал заниматься собственными проектами. Пытался писать, обдумывать идеи и создавать что-то, что принадлежало бы не рабочему расписанию, а мне. Но чаще всего этим занятиям доставались остатки сил. Сначала я выполнял всё необходимое, а потом пытался использовать то немногое, что от меня оставалось. Иногда получалось. Иногда нет.

Так усталость превращается в обвинение. Я лишался сил, а потом наказывал себя за их отсутствие.

После развода это ощущение стало сильнее. Жизнь, которую когда-то представлял иначе, распалась на отдельные обстоятельства. Возвращение к родителям и небольшая однокомнатная квартира сами по себе не делали меня хуже. Но внутри они легко превращались в доказательство того, что я не справился.

Мне казалось, что к определённому возрасту я должен предъявить доказательства состоятельности: жильё, семью, достижения. Их отсутствие превращалось в необходимость

оправдываться.

Я оправдывался даже перед самим собой.

Перечислял причины, почему оказался здесь. Вспоминал обстоятельства, ошибки и решения других людей. Искал момент, в котором всё пошло не так. Мне хотелось найти понятное объяснение, потому что объяснение создаёт ощущение порядка. Но прошлое не возвращало время, а причины не давали направления.

Тогда я впервые попытался задать вопрос иначе. Не «почему моя жизнь стала такой?», а «кем я остаюсь внутри этой жизни?» Ответа не было. Сначала возникла только тишина. И она напугала сильнее, чем привычная усталость.

Пока человек занят, ему не обязательно знать, кто он. Работа даёт роль. Семья даёт роль. Проблемы дают роль. Даже борьба с обстоятельствами способна стать личностью. Мы говорим: я тот, кто выдерживает; тот, кто обеспечивает; тот, кто решает; тот, кому не повезло.

Но если убрать эти определения, что останется? Я понимал, чем занимаюсь. Знал свои обязанности и мог перечислить проблемы. Но это ещё не означало, что я знаю себя.

Возможно, именно поэтому мысль о смерти начала возвращаться ко мне не как страх конца, а как проверка настоящего.

Если времени действительно мало, сколько из него принадлежит человеку, которого я называю собой?

Не формально. Не после работы и не между обязатель-

ствами. Сколько решений я принимаю потому, что действительно считаю их своими? Сколько желаний способен услышать без немедленной проверки на полезность, стоимость и одобрение окружающих?

Так я впервые увидел жизнь как функцию. Функция может быть полезной, надёжной и необходимой. Она может вызывать уважение. Но у неё нет собственного направления — только назначение, которое определили извне.

Человек отличается от функции не тем, что отказывается быть полезным. Он отличается способностью выбирать, ради чего эта польза существует и какую часть себя он не готов отдать.

Я ещё не умел выбирать. Но уже начал подозревать, что прежде чем искать свой путь, придётся признать: значительную часть дороги я шёл по чужому маршруту.

ГЛАВА 2

Чужой маршрут

Чужой маршрут редко начинается с приказа.

Обычно он появляется задолго до того, как человек вообще становится способным выбирать. Мы приходим в мир, где всё уже названо, распределено и объяснено. До нас решили, что считается правильным, чего следует бояться, к чему нужно стремиться и за что полагается испытывать стыд.

Мы не выбираем язык, на котором впервые услышим слово «можно». Не выбираем людей, которые объяснят нам значение слова «нельзя». Не выбираем семейные представления о деньгах, труде, любви, успехе и будущем.

Сначала иначе и быть не может. Ребёнок не способен самостоятельно построить целую систему отношений с миром. Ему нужны взрослые, границы, защита и направление. Он учится жить, повторяя за теми, кому доверяет. Проблема начинается позже — когда временная необходимость жить по чужим правилам незаметно превращается в постоянную привычку не выбирать самому.

Прежде чем человек научится говорить от собственного имени, ему объясняют, кем он должен стать.

В детстве одобрение взрослых помогает чувствовать себя в безопасности. Если любовь и принятие слишком тесно связывают с послушанием, ребёнок может усвоить: чтобы сохранить близость, нужно прежде всего быть удобным.

Вместе с необходимыми навыками жизни среди людей тогда закрепляется другая привычка — искать подтверждение собственной ценности во внешней реакции.

Я хороший, если мной довольны. Я правильный, если выполняю то, чего от меня ждут. Если мои желания расстраивают взрослых, значит, с желаниями что-то не так.

Ребёнок ещё не умеет проверить эту логику. Он принимает её целиком, потому что принимает целиком сам мир, в котором растёт.

Потом начинается школа.

Там жизнь впервые получает понятную систему измерения. Есть правильные ответы и ошибочные. Есть отметки, места, сравнения, похвала и замечания. Результат можно записать в дневник, показать родителям и поставить рядом с результатом другого ученика.

Школа даёт знания, без которых человеку было бы трудно понимать мир. Она учит читать, считать, запоминать, рассуждать и доводить задания до конца. Я не вижу смысла объявлять образование врагом. Оно является одним из важнейших человеческих достижений.

Но даже полезная система способна оставить опасный след, если ребёнку не объяснить границы её власти.

Отметка должна оценивать выполненную работу. Однако постепенно она начинает восприниматься как оценка самого человека.

Получил пятёрку — молодец. Получил плохую отметку

— подвёл взрослых. Учишься лучше других — у тебя есть будущее. Не справляешься — нужно сильнее стараться, даже если никто ещё не попытался понять, почему именно тебе трудно.

Так ребёнок привыкает не просто узнавать новое, а проходить проверку. Иногда он запоминает не ради понимания, а ради правильного ответа. Задаёт не тот вопрос, который его по-настоящему интересует, а тот, который не покажется глупым. Боится ошибиться раньше, чем успевает попробовать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.